SHOUT
SHARE
IT

- Вадим Гигин
  -

Вадим Гигин
Оклеветанный но не забытый
(Очерк о М.Н. Муравьеве-Виленском)

Пожалуй, в отечественной истории не найдется другого персонажа, которому навешивались бы подобные ярлыки. «Вешатель». И этим все сказано. Это позорное прозвище прочно связывается с именем Михаила Николаевича Муравьева, бывшего главным начальником Северо-Западного края в 1863–1865 годах. Его обвиняют в жестоком подавлении польского восстания, называют палачом Литвы и Беларуси, безжалостным русификатором, приписывают желание уничтожить всякое культурное своеобразие белорусского народа. И эти догмы переходят из статьи в статью, из учебника в учебник. Казалось бы, все ясно — черная личность, антигерой белорусской, да и российской истории. Но не все так просто. Ведь большинство современников называли 1860-е годы в Беларуси «Муравьевской эпохой». В крае в его честь открывали музеи, его ангелу-хранителю посвящали храмы и часовни, на его имя шли десятки и сотни благодарственных адресов, Муравьева почитали спасителем Отечества, сравнивали с Кутузовым. Так каким же он был, Михаил Николаевич Муравьев? Какова его роль в нашей истории? Отрицательный он персонаж или положительный? Попробуем разобраться.

* * *

Михаил Николаевич родился 1 октября 1796 года в семье капитан-лейтенанта Муравьева, затем генерала, основателя Московской школы колонновожатых, на основе которой позже будет создана Академия Генерального штаба. Муравьевы, первые упоминания о которых относятся к XV–XVI векам, происходили от древнего рязанского рода Аляповских и имели одинаковый герб с другой дворянской фамилией Пущиных. Известность к семейству приходит в XVIII веке, когда его представители немало способствовали укреплению России. В XIX веке на историческую арену выйдет целая плеяда Муравьевых. Брат Михаила Николаевича — Николай стал полным генералом и отличился в Крымскую войну взятием считавшейся неприступной турецкой крепости Карс, за что и получил прозвище Карский. Еще один

Муравьев прославился освоением Дальнего Востока, и государь даровал ему титул графа Амурского. Михаилу Николаевичу суждено было стать Муравьевым-Виленским.

Юный Михаил воспитывался в училище при Московском университете, а затем в Школе колонновожатых, проявлял великолепные способности к точным наукам, отличался аналитическим умом. В 15 лет основал Московское общество математиков, в дальнейшем он станет одним из лучших русских преподавателей высшей математики, вице-председателем Русского Географического Общества. С юных лет М.Н. Муравьев умел сочетать тягу к теоретическим познаниям с удивительной деловой хваткой. Так, став смоленским помещиком, он создал образцовое хозяйство и оказал большую помощь губернии в предотвращении голода. Во время Отечественной войны 1812 года Муравьев проявил себя как храбрый офицер, отказавшись быть при свите императора и отправившись в действующую армию. В легендарном Бородинском сражении он был ранен, по излечении участвовал в заграничных походах русских войск.

С 1815 года М.Н. Муравьев преподает математику в Школе колонновожатых, которой руководит его отец. В это же время он женится на Пелагее Васильевне Шереметевой, происходившей из славного дворянского рода. Нужно сказать, что даже недруги признавали поразительные качества Муравьева-семьянина, и это во времена, когда галантные похождения были весьма популярны в аристократической среде. Но Михаил Николаевич недаром слыл подлинно православным верующим человеком, неукоснительно соблюдавшим все обряды нашей Церкви.

В период своей преподавательской деятельности М.Н. Муравьев сблизился с декабристами. Незаурядный ум, эрудиция, авторитет боевого офицера позволили ему быстро выдвинуться в этой среде. В 1816 году он вступает в «Союз спасения», а вскоре становится членом Коренной управы «Союза благоденствия», составляет устав этого общества. Но уже в 1820 году молодой Муравьев отходит от деятельности в тайных обществах. Данный поступок нельзя рассматривать как измену «идеалам молодости». Михаил Николаевич никогда не разделял революционных идей декабристов, а мысли о республике и, тем более, цареубийстве казались ему не только недопустимыми, но и кощунственными. Он присоединился к кружкам, в которых состояли его знакомые и родственники, однако вскоре увидел стремительную политизацию обществ, ставших тайными и заговорщическими. Муравьев пытался бороться с этим, подвергал критике Пестеля, самого радикального из декабристов. Осознав, что движение окончательно вступило на неприемлемую для него дорогу, он

оставил его ряды. Тем не менее, после восстания на Сенатской площади Михаил Николаевич был арестован и несколько месяцев провел в Петропавловской крепости. Поскольку Следственная комиссия по делу декабристов руководствовалась принципом «Стараться более всего отыскивать не преступников, а невинных», М.Н. Муравьев был освобожден, возвратился на службу и вскоре стал вице-губернатором в Витебске, а в 1828 году назначен могилевским губернатором. Именно с этой поры его жизнь оказалась неразрывно связана с Беларусью. Во время польского мятежа 1830–1831 годов М.Н. Муравьев сделал все от него зависящее, чтобы не допустить мятежников в Могилевскую губернию. Уже тогда его поразило и возмутило обилие антироссийского и пропольского элемента в государственной администрации всех уровней. Он попытался изменить ситуацию, но не банальными увольнениями, а реформированием системы подготовки и обучения будущих чиновников.

Реакция властей на разумные предложения Муравьева была несколько странной. Его переводят губернатором сначала в Гродно, затем в Минск, ну а вскоре в Курск, далекий от «польских интриг». В белорусских губерниях правительство ограничилось полумерами. Отменили действие Литовского Статута и унифицировали законодательство, повелели шляхте документально подтвердить свое право на дворянство, закрыли Виленский университет, отчего образование в крае не пострадало, поскольку тут же был открыт университет Св. Владимира в Киеве, а также широко распахнули свои двери для выходцев из Северо-Западного края столичные вузы, правда, этой возможностью сумели воспользоваться, в основном, шляхтичи. Самым существенным шагом стала отмена позорной церковной унии. Но сохранилось землевладение польских помещиков, а также их подавляющее влияние в административной и культурной сферах. Так что зрели условия для нового мятежа.

Способности М.Н. Муравьева не могли быть не замечены, и с 1839 года начинается его стремительная карьера в центральных органах власти. Директор Департамента податей и разных сборов, управляющий Межевого корпуса, председатель Департамента уделов, член Государственного совета, а с 1857 года министр государственных имуществ. Принято малевать Михаила Николаевича ретроградом, противником освобождения крестьян, крепостником. Однако именно он на заседании Главного Комитета по крестьянскому вопросу воскликнул: «Господа, через десять лет мы будем краснеть при мысли, что имели крепостных людей». Он не противился, а лишь только сомневался в деталях отмены крепостного права, и своими неудобными вопросами,

своим воистину охранительным консерватизмом способствовал выработке адекватных ситуации условий дарования крестьянам свободы с тем, чтобы не столкнуть Россию в бездну пугачевщины. Тем не менее, даже небольшого несогласия с ближайшим окружением Александра II оказалось достаточно для отставки М.Н. Муравьева.

Либералы праздновали победу. Вдогонку, казалось, поверженному великану посыпались гнусные обвинения и оскорбления. Был вброшен слух о казнокрадстве как причине отставки. Якобы М.Н. Муравьев, отправляясь в поездки по России, получал командировочные (прогоны) по трем ведомствам. Столичные зубоскалы его так и называли «трехпрогонный министр». При этом они забывали, что М.Н. Муравьев действительно возглавлял три ведомства — государственных имуществ, уделов и межевое. Любопытно, что эту «утку» запустил не кто иной, как И. Огрызко, поляк, создатель петербургского подполья сепаратистов, затем один из руководителей восстания 1863–1864 гг. Необоснованные обвинения в коррупции были особенно болезненны для Михаила Николаевича, бывшего ярым противником этого зла. В свое время он составил «Записку об уничтожении в присутственных местах взяточничества», в которой проанализировал причины данного явления и определил некоторые меры по его искоренению. Обвинения в коррупции были настолько абсурдны, а ложь так очевидна, что либералы всех мастей перешли просто на откровенную ругань в адрес М.Н. Муравьева. В травле участвовали весьма одиозные личности. Например, князь П.В. Долгоруков, писатель-неудачник, промотавший состояние, и сбежавший за границу, откуда издевался над своим бывшим Отечеством. Или, скажем, Н.Г. Чернышевский, который, как известно, пробудил целое поколение революционеров-террористов.

И вдруг, в январе 1863 года, вспыхнуло польское восстание. Конечно, отсутствие у крупного европейского народа государственности было несправедливо. Понимали это и в России. Ведь вовсе не российские императоры были инициаторами разделов Польши. Подобные проекты предлагались западными доброхотами еще Петру I, но он решительно их отверг. И лишь под давлением Пруссии, а также ввиду ужасного положения православных в Речи Посполитой, Екатерина Великая пошла на раздел этого государства. Но поляки не были угнетенным народом в Российской империи. Они занимали государственные и военные должности, в том числе и самые высокие. Князь А.Е. Чарторыский в начале XIX века был министром иностранных дел России. В 1815 году Александр I

даровал полякам конституцию, одну из самых либеральных в мире. Этот народ имел значительную автономию, собственное войско. Лишь восстание 1830–1831 годов привело к существенному ограничению самоуправления Царства Польского. Католическая церковь не только не ущемлялась в России, но и находилась в куда лучшем положении, чем во многих европейских странах, охваченных волной секуляризацией. Предводителям нового мятежа было мало восстановления независимости своей страны. Они желали присоединить к ней исконные белорусские и украинские земли. Набившие оскомину разговоры о неких «белорусских идеях» Калиновского имеют лишь косвенную основу. Ни в «Мужицкой правде», ни в других своих работах этот революционер-фанатик не подымал открыто белорусский национальный вопрос. Более того, идеализация Калиновским времен королевской Речи Посполитой вызывает лишь недоумение. Руководители восстания мечтали о ликвидации Российской империи с тем, чтобы возрожденная Великая Польша заняла ее место на мировой арене. Так, Сераковский планировал «с музыкой» пройти через центральные российские губернии и поднять бунт в Поволжье. Таким образом, восстание было не только и не столько национально-освободительным, сколько экспансионистским. И это вполне отвечало интересам некоторых западных государств. В апреле и июне 1863 года Англия, Австрия, Голландия, Дания, Испания, Италия, Османская империя, Португалия, Швеция и Папа Римский предъявили российскому правительству ультиматум, требуя пойти на уступки полякам. Казалось, что Россия, ослабленная Крымской войной, вступившая в пору великих преобразований, не устоит. Даже государыня Мария Александровна искренне считала, что Царство Польское утеряно…

К моменту начала мятежа правителем Литвы и Беларуси на протяжении семи лет был В.И. Назимов, человек добрый и старательный, но уж очень нерешительный. При нем в крае буйным цветом расцвела антироссийская пропаганда. Православные подвергались оскорблениям со стороны польских обывателей. Когда из Царства Польского в Беларусь был «экспортирован» мятеж, Назимов шарахался от прямого попустительства инсургентам, как тогда называли повстанцев, до непоследовательных запретительных и репрессивных мер, которые, впрочем, не имели никакого действия.

Зимой-весной 1863 года в патриотических кругах все чаще стала называться фамилия Муравьева в качестве кандидата в виленские наместники. По воспоминаниям, решающее слово

сказал мудрый канцлер А.М. Горчаков, рекомендовавший Александру II отважиться на подобное кадровое назначение. Государь лично пригласил Муравьева к себе 28 апреля 1863 года и через два дня назначил его виленским, гродненским и минским генерал-губернатором, командующим войсками Виленского военного округа с полномочиями командира отдельного корпуса в военное время, а также главным начальником Витебской и Могилевской губерний

Отъезд М.Н. Муравьева из Петербурга был обставлен как отправка былинного героя на битву. Митрополит, встретив его, промолвил: «Имя тебе — Победа!». Сам будущий граф помолился в Казанском соборе и приложился к чудотворной иконе Казанской Божьей Матери. По приезде же в Вильно Михаил Николаевич первым делом отправился поклониться мощам Св. Виленских мучеников в Духов монастырь, а затем к знаменитому митрополиту Иосифу Семашко, в свое время положившему конец униатскому безумию.

Новый генерал-губернатор начал с подбора команды. Прежние чиновники, продемонстрировавшие свою неэффективность, были отстранены. Муравьев сумел воспитать целую когорту блестящих администраторов и управленцев. Среди них следует отметить, прежде всего, попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова, начальника тайной полиции ротмистра Шаховского, генералов Лошкарева, Соболевского, Панютина, полковников Макова, Черевина, Неелова, занимавшегося разбором судебных дел. К «муравьевской плеяде» можно отнести и К.П. Кауфмана, сменившего Михаила Николаевича на посту главного начальника Северо-Западного края. Впоследствии генерал Кауфман стал широко известен как покоритель Туркестана. Все это были верные сыны Отечества, благородные люди и достойные граждане.

В свои 67 лет генерал-губернатор установил и для себя, и для подчиненных ему чиновников беспощадный рабочий режим, который позволял максимум усилий тратить на развитие вверенного ему государем и Отечеством края. Михаил Николаевич вставал в 6 часов утра, в 7 часов он уже приступал к работе, занимаясь делами до пяти вечера, затем делал 4-часовой перерыв на обед и отдых и вновь работал до часа ночи.

Генерал-губернатор в своей деятельности придерживался кредо, которое может быть поучительным и для современных государственных деятелей: «Нам не следует опасаться внутренних и внешних врагов России в правом деле, в котором за нами историческая истина и самый народ». Первые шаги Муравьева, по прибытии в Вильно были жесткими — того требовала военно-

политическая ситуация. В крае вводилось военное положение. В уездах власть переходила в руки военно-полицейских управлений, причем первейшей их задачей было ограждение местного населения от мятежников. Прибег Муравьев и к мерам устрашения, которые могут показаться жестокими — публичным казням. Но им подвергались лишь закоренелые мятежники и убийцы. Публичность совершения казни должна была подчеркнуть решимость власти пресечь крамолу в крае. До этого местные поляки не верили, что власти проявят достаточно воли в подавлении мятежа. Так, один из главных предводителей мятежников Сераковский, которого пытаются изображать мужественным героем, когда узнал, что его ожидает военно-полевой суд, прикинулся сумасшедшим, жаловался на галлюцинации и жар, бесконечно требовал врачей, обследования. Вскоре стало очевидно, что наказания ему не избежать, поскольку он был не только главой мятежников, но и российским офицером, изменившим присяге. Этот горе-полководец намекал на свои связи в высших европейских кругах, грозил гневом Запада. Вплоть до последнего мгновения он не верил, что приговор свершится, а когда осознал это, то закатил на эшафоте истерику.

Касательно вопроса о смертных казнях, нужно сказать, что все они совершались лишь по приговорам военно-полевых судов, после тщательного разбирательства. Так, следствие по делу Калиновского длилось больше месяца после его ареста. Вообще, читая описания убийств и прочих преступлений, совершенных мятежниками, поражаешься сдержанности российских властей. Главари банд, поняв, что белорусское население не оказывает им никакой поддержки, буквально озверели. Невинных людей резали, забивали кольями, пиками, косами, убивали в городских подворотнях. Среди жертв — православные священники, солдаты и офицеры, крестьяне, помещики, отошедшие от мятежа. О размахе террора свидетельствуют слова одного из приказов мятежников, авторство которого приписывается Калиновскому: «Пан будет лихой — пана повесим, как собаку! Мужик будет плохой — то и мужика повесим…». И вешали. Доподлинно известно, что в боях с мятежниками отдали свои жизни 1174 российских солдат и офицеров. Точного же числа жертв повстанческого террора не известно до сих пор. Исследователи называют разные цифры: от нескольких сотен до многих тысяч. Кстати сказать, террористические группы мятежников назывались «кинжальщики» и, особо подчеркнем, «жандармы-вешатели». Так что своему главному врагу эти господа дали прозвище, что называется, по Фрейду.

Пример рассудительности властей, справедливости при

вынесении приговоров дает разбирательство по следующему делу. В начале апреля 1863 года в лесу под Новогрудком после издевательств был повешен крестьянин, мятежники пытались убить и его малолетнего сына, но тот сбежал. Виновных поймали. Оказалось, что причина убийства — устрашение местного населения и желание повязать новых членов банды кровью. Суд приговорил к расстрелу четырех мятежников, которые непосредственно совершали убийство, 18-летнего юношу, помогавшего убийцам, сослали на каторгу.

Многие из примкнувших к повстанцам были совсем юными людьми, и М.Н. Муравьев относился к ним вовсе не жестоко, а скорее как строгий отец относится к заблудшим детям, давая шанс на исправление. Но в этой строгости он был непреклонен. К предателям же, офицерам и чиновникам, изменившим долгу, духовным пастырям, пробуждавшим в прихожанах не христианскую любовь, а ненависть и злобу, генерал-губернатор был безжалостен.

Всего в Северо-Западном крае было казнено 128 человек, еще 12 483 отправлено на каторгу, поселение в Сибирь, арестантские роты и ссылку. Царские власти и лично М.Н. Муравьев относились к повстанцам достаточно гуманно. Ведь в России с 1742 года действовал, говоря современным языком, мораторий на исполнение смертных приговоров. Он нарушался лишь в исключительных случаях, например, во время Пугачевского бунта, восстания декабристов. В этом смысле Россия была уникальной европейской страной. И тем не менее, в Европе сразу поднялся крик о жестоком подавлении польского восстания. Как говорится, европейцы в чужом глазу пылинку видели, а в своем бревна не увидали. В 1846 году австрийцы и польские паны залили Галицию кровью украинских крестьян. В 1871 году при подавлении Парижской Коммуны правительственные войска убили 30 тыс. человек, еще 40 тысяч были сосланы. Через двенадцать лет после польского мятежа 1863 года английский посол в Константинополе Г. Эллиот настоятельно рекомендовал турецкому правительству подавить болгарское восстание, «не разбирая средств». Результатом стала массовая резня и 30 тысяч убитых. Сами англичане, любившие рассуждать о нравах «этих русских», в 1857–1859 годах устроили кровавую бойню в Индии в ответ на восстание сипаев. Достаточно сказать, что людей привязывали к пушкам и разрывали ядрами.

М.Н. Муравьев никогда не рассматривал репрессии в качестве основного способа борьбы с мятежом. Создавались сельские стражи из крестьян, то есть дело подавления вооруженного восстания в значительной мере передавалось в руки самого

населения. Генерал-губернатор приказал в три дня разоружить всех помещиков, шляхту, ксендзов и их прислугу, немедленно арестовать всех причастных к мятежу и придать их военному суду. Помещики и их управляющие не должны были помогать мятежникам, но обязаны доносить властям обо всех перемещениях повстанческих отрядов. Михаил Николаевич сразу стал действовать не столько насилием, сколько умом и рублем. Населенные пункты, в окрестностях которых орудовали шайки, но местные жители не сообщали об этом властям, облагались штрафами. Домохозяевам, содержателям трактиров, настоятелям церквей и монастырей Вильно было объявлено, что за каждого жителя, ушедшего в лес, они будут платить от 10 до 100 рублей. Через неделю бегство к мятежникам из столицы края полностью прекратилось.

В июле 1863 года Муравьев сам обратился к мятежникам с призывом сложить оружие, обещая помилование невиновным в убийстве. Польские шляхтичи, не привыкшие к бытовым неудобствам и скитаниям по лесу, массово начали сдаваться. Процедура отхода от мятежа была следующей. Мятежник являлся к местным полицейским властям, где его допрашивали и убеждались, что на нем нет крови. Затем в присутствии ксендза произносилась очистительная присяга и давалось клятвенное обещание, сопровождавшееся крестным целованием, не участвовать более в вооруженной борьбе с российским правительством, По имеющимся данным, таким образом вернулось к мирной жизни свыше 3 тысяч человек.

Искреннее раскаяние даже самого закоренелого мятежника давало ему возможность остаться в живых. И. Огрызко, один из лидеров польского подполья, был приговорен к расстрелу, но М.Н. Муравьев заменил смерть 20 годами каторги, поскольку тот «раскрыл всю свою душу и выдал всех своих товарищей». Этот заносчивый пан «упал к ногам следователя, рыдал как ребенок, целовал руки, локти, плечи, прося даровать ему жизнь». Меры Муравьева по подавлению открытого вооруженного мятежа являются хрестоматийными для действий такого рода. Все его усилия были энергичны, согласованы, продуманны, не переходили грани жестокости, а потому оказались на удивление эффективны.

Завершение активной фазы мятежа в Литве и Беларуси охладило пыл и варшавских инсургентов. 28 августа 1863 года польский подпольный жонд приказал прекратить военные действия. В том же месяце к генерал-губернатору явились делегации представителей шляхты с заверениями в своих верноподданнических чувствах. Последняя подпольная

организация мятежников была ликвидирована летом 1864 года в Новогрудке.

Подавление вооруженного мятежа 1863 года не означало окончания деятельности Михаила Николаевича в Беларуси. Опытный администратор, он прекрасно понимал, что это будет лишь временный успех, если коренным образом не изменить жизнь в крае, не вернуть его на исконную, как он сам говорил, «древнерусскую» дорогу. Здесь, в Литве и Беларуси, М.Н. Муравьев начал реализовывать многое, что было задумано им еще в далеком 1831 году, при усмирении первого польского мятежа.

Михаил Николаевич прекрасно понимал, что главная надежда власти — крестьянство, простой люд Беларуси. Ведь в отрядах мятежников крестьяне составляли в среднем только 18 процентов, а шляхта — 70. Генерал-губернатор перевернул сельское общество, значительно ускорив развитие аграрного сектора нашей экономики. Было отменено временнообязанное состояние крестьян, то есть выполнение ими феодальных повинностей до выплаты выкупных платежей. Батраки и безземельные крестьяне начали наделяться землей, конфискованной у участвовавших в мятеже помещиков. На это из казны было выделено 5 миллионов рублей, огромная по тем временам сумма. 19 февраля 1864 года вышел указ «Об экономической независимости крестьян и юридическом равноправии их с помещиками». На белорусских землях при Муравьеве и его приемниках произошло то, чего Россия XIX века еще не видывала: крестьяне не только были уравнены в правах с помещиками, но и получили определенный приоритет. В Вильно была образована Особая поверочная комиссия, которая занималась исправлением уставных грамот. Все польские помещики были обложены 10-процентным сбором в пользу казны от всех получаемых ими доходов. Наделы белорусских крестьян увеличивались почти на четверть, а их подати стали на 64,5 процента ниже по сравнению с остальными российскими крестьянами. При этом в западных районах Беларуси, наиболее подверженных влиянию мятежников, крестьяне получили наибольшие преференции. В Гродненской губернии крестьянские наделы стали на 12 процентов больше по сравнению с нормой, закрепленной уставными грамотами, в Виленской — на 16, в Ковенской — на 19. Выкупные платежи белорусских крестьян были уменьшены на 20 процентов. В Гродненской губернии выкупные платежи были понижены с 2 рублей 15 копеек за десятину до 67 копеек. Приведенные цифры напрочь развевают миф о «колониальной политике» российских властей. Развитию

Литвы и Беларуси царское правительство, благодаря таланту М.Н. Муравьева, уделяло большее внимание, чем районам великороссийским. Более того, нынешние успехи в аграрном секторе Гродненщины и Брестщины уходят корнями именно в славную Муравьевскую эпоху, когда на этих землях стараниями генерал-губернатора было создано крепкое крестьянское хозяйство, причем хозяйство высококультурное и производительное.

Михаил Николаевич был поистине народным генерал-губернатором. От петровских времен до Столыпина не было в России государственного деятеля, который настолько улучшил бы положение крестьянства. В сравнении с мероприятиями, проводимыми Муравьевым в белорусских землях, тускнеет даже отмена крепостного права. Белорусское крестьянство тысячами высылало своему генерал-губернатору благодарственные адреса.

М.Н. Муравьев приказал большинству из чиновников-поляков подать прошения об отставке, поскольку многие из них тайно сочувствовали, а зачастую и помогали повстанцам. По всей Руси Великой был брошен клич, призывавший смелых и честных людей приезжать в Беларусь, старинную русскую землю, для работы в присутственных местах. Это позволило избавить наши государственные учреждения от польского влияния. Но привлечение к работе чиновников из Центральной России было мерой временной. Генерал-губернатор открыл широкий доступ к должностям в различных сферах местному православному населению. Так началась белорусизация местной администрации в Северо-Западном крае.

Меры против верхушки польского населения никак нельзя назвать этническими чистками. Они носили не столько национальный, сколько социально-политический характер. М.Н. Муравьев неоднократно отмечал, что и среди польского и католического населения есть надежные люди. Так, в Свенцянской гимназии на прежней должности был оставлен католик Овчино-Кайрук, поскольку являлся «сыном простого селянина, и, по происхождению своему, представляет некоторого рода гарантию, касательно своей политической благонадежности».

Генерал-губернатор рассуждал просто: раз польские помещики в основном участвовали в мятеже, значит, они должны быть наказаны, а местные крестьяне избавлены от их влияния. Для сравнения к 1864 г. польским землевладельцам в Беларуси принадлежало в 4 раза больше земли, чем землевладельцам православным. Закон от 10 декабря 1865 г., принятый уже при преемнике М.Н. Муравьева, запретил лицам польского

происхождения приобретение земли в Северо-Западном крае, кроме случаев наследования. В результате число православных помещиков увеличилось с 1458 до 2433, а количество земли в их распоряжении — вдвое. Естественно, поляки, участвовавшие в мятеже, были лишены и права пользоваться льготными кредитами Дворянского банка. Были ликвидированы в Северо-Западном крае и органы дворянского самоуправления. Но М.Н. Муравьев прекрасно понимал, и в этом проявлялся его административный талант, что нельзя ограничиться общими установлениями и предписаниями. Он инициировал указ, по которому любые сделки по земле должны были получить одобрение губернатора. Это значительно повышало меру ответственности власти.

Абсолютно лживыми являются утверждения о том, что якобы М.Н. Муравьев ущемлял национальные права коренного населения, то есть белорусов и литовцев, был бездумным колонизатором западного образца в пробковом шлеме. Никогда в Российской империи, вопреки утверждениям учебников истории, названия «Беларусь» и «Литва» не запрещались. Наоборот, именно при царе они получили наибольшее распространение. Определение же «Северо-Западный край» вовсе не подменяло этнических наименований здешней территории, а носило административный характер, поскольку применялось к губерниям, населенным преимущественно и белорусами, и литовцами. Главная цель генерал-губернатора состояла в гармонизации местного народного начала с русским народным началом, создании гражданского общества, основанного на взаимоуважении.

Не было препятствий и в развитии национальной культуры и языка. В 1864 году в Ковенской губернии, вопреки желаниям местной польской шляхты, было разрешено обучение детей литовского (жмудского) населения родному языку и изложение катехизиса на том же языке. Единственно, в литовской грамматике латиница была заменена кириллицей, что отнюдь не мешало свободному национальному развитию литовцев, а скорее способствовало социализации молодых литовцев в российском обществе.

Еще более Михаил Николаевич сделал для национального развития белорусов. Генерал-губернатор, очевидно, полагал, что белорусы вместе с великороссами и малороссами суть ветви одного корня — русского народа. Для него определения «православный» и «русский» были идентичны. Но это не означает, что он отрицал самобытность белорусского народа. Как раз отличия белорусов от поляков всячески подчеркивались. Именно

при Муравьеве и его преемниках в местной печати, прежде всего, в «Могилевских губернских ведомостях» стали выходить материалы по истории «Русско-Литовского края». По инициативе официальных властей на языке белорусского народа увидели свет издания «Беседа старого вольника с новыми про их дело» и «Рассказы на белорусском наречии». В апреле 1864 года начала свою работу Виленская комиссия для разбора и издания древних актов, значение которой для формирования исторического самосознания белорусов трудно переоценить. Благодаря усилиям сотрудников этой комиссии было расчищено от сорняков поле исторического прошлого нашей страны. Первый глава комиссии П.А. Бессонов, назначенный лично М.Н. Муравьевым, стал, по сути, отцом-основателем научного белорусоведения. Изданный затем им сборник «Белорусские песни» является уникальным памятником народной культуры, который ученые-фольклористы используют до сих пор.

И вот эта деятельность — колонизация в области культуры? Да Михаил Николаевич Муравьев заложил фундамент для белорусского культурного возрождения! Более того, он был заинтересован в нем и по долгу службу, и по зову сердца. Ведь восстановление подлинных исторических и культурных традиций белорусского народа неизбежно вело к осознанию неразрывной, извечной связи всех восточнославянских народов. А это и была главная стратегическая цель Муравьева.

Борьба за умы и души должна начинаться в школе. Это неоднократно подчеркивал М.Н. Муравьев. Понять суть его деятельности по преобразованию сферы народного просвещения невозможно без представления о том, что происходило в школах Северо-Западного края накануне и во время мятежа. Сам главный начальник края так описывал состояние дел в данной сфере: «Польское дворянство и духовенство старались наполнить школы местной шляхтой», чтобы затем продвигать ее на административные посты. До начала 1860-х годов белорусские учебные заведения почти полностью находились в руках поляков. Один из главарей сепаратистов И. Огрызко признавался, что основная причина его убеждений — школа, «где он с малых лет слышал извращенные факты истории и питался мятежным духом». Учителя не ограничивались только пропольской пропагандой, но и открыто подбивали учеников на противоправные действия: глумления над православными символами и церквями, избиения лояльных правительству граждан.

М.Н. Муравьев пошел на закрытие Горыгорецкого земледельческого института. Но что это было за учебное

заведение в тот период? В начале 1860-х годов занятия по профилю в институте практически игнорировались. Студентов открыто готовили к участию в мятеже. Инспектор института обучал своих подопечных стрельбе и создавал схроны с оружием. Неудивительно, что большинство преподавателей и студентов присоединились к мятежникам. Реакция властей была жесткой, но, согласитесь, справедливой. Связь с сепаратистами поддерживали и представители других учебных заведений. Учитель Виленского раввинского училища Пршибыльский читал откровенно подстрекательские лекции в публичном музее и состоял секретарем Литвы при Варшавском подпольном жонде. Результаты подобной деятельности не замедлили сказаться. Установлено, что из учебных заведений Северо-Западного края в шайки мятежников ушло около 2 тысяч учащихся. Причем несовершеннолетние «революционеры» отличались особой жестокостью. Ученик одной из гимназий Левиновский совершил девять убийств. Нужно особо подчеркнуть, что даже таких извергов, ввиду их малолетства, не приговаривали к смертной казни. Убийц отправляли на каторгу, а прочих попросту пороли и отдавали на поруки родителям, с которых брали штраф, «за то, что не имели надлежащего надзора и допустили к побегу в мятежные шайки».

Область преобразования в школах была поручена наместником своему соратнику И.П. Корнилову, назначенному попечителем Виленского учебного округа. Именно этому человеку предстояло исправить все то, что в свое время натворил на этой должности Адам Чарторыский. И нужно сказать, справился он блестяще. Школа в Беларуси была переведена с польского языка на русский. В крае распространялись десятки тысяч православных молитвенников, учебников, портретов царской семьи, картин духовного содержания, которые должны были заменить у учеников изображения из истории польского народа. Правда, в этой сфере были и некоторые перегибы: ученикам-полякам запретили говорить по-польски в стенах учебных заведений. Но все же корректности и такта было больше. Например, в школьной программе для детей-католиков был оставлен Закон Божий римско-католической веры. При замене преподавателей-поляков православными наставниками увольняемые поддерживались материально, некоторые получали новые места во внутренних районах империи, а большинство — пенсии. Власти закрыли несколько гимназий и прогимназий, в которых антирусские настроения были особенно сильны, но взамен создали двенадцать двухклассных училищ с практическим образованием для простого белорусского люда. Вместо закрытых гимназий, где до этого

учились лишь выходцы из привилегированных сословий, были открыты уездные училища. Создавались также и новые гимназии, например, вторая Виленская. И все это как раз на средства от 10-процентного сбора, которым обложили польскую шляхту за участие в мятеже. К 1 января 1864 года в Северо-Западном крае было открыто 389 народных училищ. Таким образом, в бытность М.Н. Муравьева главным начальником Северо-Западного края местная школа перестала быть элитарной и превратилось практически в массовую.

Михаил Николаевич занимался не только внешней перестройкой учебных заведений. Его волновало идейное наполнение учебного процесса. Главный начальник края отпустил средства для преподавания хорового церковного пения по три урока в неделю и обязал православных учеников петь в церкви. Трудно переоценить благотворное моральное воздействие, какое оказала эта мера на внутренний мир юных белорусов. Генерал-губернатор распорядился обследовать все книжные магазины в крае и был поражен: не было обнаружено ни одного русского издания! Началась грандиозная работа по наполнению книжного рынка отечественной литературой. Были пересмотрены все школьные библиотеки, изъяты все подстрекательские и клеветнические книжонки и брошюры. В массовом порядке ввозились и издавались на месте православные духовные работы, святоотеческая литература, книги по истории России.

Подлинное преображение белорусских школ при Муравьеве дало великолепные результаты. Ведь была выстроена система настоящего народного просвещения в прямом смысле этого слова. Одно из созданных по предложению М.Н. Муравьева народных училищ, Белоручское, окончил Янка Купала. Другой наш великий поэт Якуб Колас учился в Несвижской учительской семинарии, открытой уже после смерти М.Н. Муравьева, но, как признавался попечитель Виленского учебного округа Сергиевский, по его идейным лекалам «как просветительский и образовательный форпост, который будет служить отпором польскому католицизму».

Клеветой являются утверждения, будто М.Н. Муравьев был врагом высшей школы в Беларуси. Во-первых, подчеркнем еще раз, и Виленский университет, и Горыгорецкий институт были не белорусскими, а польскими по составу и преподавателей, и студентов. Их закрытие в разные годы было мерой вынужденной и чрезвычайно тяготило генерал-губернатора. Он осознавал, что эффективная идеологическая работа в крае без высшего учебного заведения невозможна. Уже 7 сентября 1863 года, то есть менее, чем через полгода после вступления в должность, он выдвинул

проект создания нового Виленского университета для шести губерний Северо-Западного края. Предполагалось вести обучение на четырех факультетах, а также создать кафедру литовского языка, что было прогрессивной инициативой для того времени. В университете должны были учиться в основном белорусы и литовцы, то есть планировалось создать поистине национальный вуз. Но И.П. Корнилов и некоторые другие деятели из окружения генерал-губернатора сочли, что с открытием университета следует повременить, так как общество края еще не готово к подобному шагу.

В ноябре 1863 г. М.Н. Муравьев при поддержке митрополита Иосифа Семашко предложил открыть Виленскую духовную академию. Святейший Синод всячески затягивал с решением этого вопроса, переписка по которому тянулась все правление М.Н. Муравьева в крае. В связи с волокитой в Петербурге и нерадением отдельных местных чиновников не состоялось и открытие учительского института в Жировичах. Михаил Николаевич не отказался от мысли создать полноценный вуз в Беларуси. Только преждевременная кончина помешала ему в осуществление этого плана.

При Михаиле Николаевиче настоящее возрождение пережила православная церковь в Беларуси. О том, в каком состоянии пребывало православное население Беларуси в первой половине XIX века, свидетельствует история Пречистинского собора в Вильно. Этот храм был построен еще в 1346 году зодчими из Киева и стал затем кафедральным для всех православных земель Великого княжества Литовского. Однажды здесь совершил службу даже Константинопольский патриарх. В XVII веке этот храм был захвачен униатами, которые использовали его в своих целях вплоть до 1800 года. И уж совсем невероятный поворот в судьбе храма случился по воле всесильного польского князя Чарторыйского: церковь превратили сначала в анатомический театр, а затем в кузницу. Михаил Николаевич возродил богослужение в славном и многострадальном Пречистинском соборе. При непосредственной поддержке государя Муравьев организовал всероссийскую подписку на ремонт храма. Собор был восстановлен и огласил округу колокольным звоном в 1867 году, став своеобразным памятником деятельному наместнику.

Генерал-губернатор считал первоочередной необходимостью всяческую поддержку православного духовенства Беларуси, которое представляло собой, по его словам, «надежную народную силу». Священникам увеличили жалованье до 400 рублей в год. Из государственной казны было выделено 42 тысячи рублей для оказания помощи представителям духовенства, пострадавшим от

мятежников.

В Вильно М.Н. Муравьев создал губернский церковно-градостроительный комитет, который занялся восстановлением православный храмов. Комитету подчинялись уездные советы, составленные из местной общественности. Дело православного возрождения Беларуси стало всенародным. При церквях образовывались братства, наследники традиций XVI–XVII веков, когда такие же общества противостояли попыткам искоренить православие в нашем крае.

Следует признать, что восстановление старых православных храмов и постройка новых сопровождались закрытием ряда католических костелов и монастырей, однако данные меры нельзя рассматривать как религиозные гонения. В некоторых местностях Беларуси к тому времени сложилась парадоксальная ситуация: большая часть населения православная, из католиков только панская семья да ее окружение, но при этом действует костел и пара каплиц, и ни одной православной церкви! Братия многих католических монастырей состояла, в основном, из уроженцев Царства Польского и даже из иностранцев. Вот М.Н. Муравьев и предпринял усилия к исправлению этого положения. Там же, где большинство жителей являлись католиками костелы как действовали, так и продолжали действовать, разве что заменили некоторых ксендзов, открыто поддерживавших мятеж. Так, в Ковно был повешен ксендз Мацкевич, главарь крупного отряда повстанцев, повинный в смерти сотен людей. Многие бывшие католики массово переходили в православие, веру своих предков. Это движение проходило под знаменем Св. Александра Невского, которому посвящались новые часовни, строившиеся на территории Беларуси.

И еще одна инициатива графа Муравьева, которая стоит на грани крупной идеологической акции и подлинного подвижничества. Генерал-губернатор распорядился приобрести 300 тысяч православных наперсных крестиков для населения Беларуси и раздать их бесплатно жителям по 135 на каждый приход. Сам Михаил Николаевич приобрел 25 тысяч наперсных крестиков из мельхиора для безвозмездной раздачи. Этот духовный почин нашел широчайшую поддержку среди российского общества. Дворяне, купцы, простые люди жертвовали средства на приобретение крестиков разной величины для братьев-белорусов. Купец первой гильдии Комиссаров передал один миллион крестиков. Государыня-императрица от себя и своих детей даровала в распоряжение четырех белорусских епархий 1873 серебряных креста (по одному на приход) с тем, чтобы настоятели храмов возложили их на первых

новорожденных православных младенцев. Таким образом, государыня становилась как бы крестной матерью своих новых подданных, родившихся в местностях, население которых доказало преданность престолу и Святой Церкви.

Удивительно, но это благое дело натолкнулось поначалу на саботаж некоторых местных чиновников. Например, мельхиоровые крестики предназначались для крестьян, наиболее отличившихся при восстановлении православных храмов, а также проявивших усердие при проведении переустройства села. Но отдельные мировые посредники отписывали в Вильно, что таковых не имеется. И только энергия и упорство наместника способствовали тому, чтобы каждый преданный Отечеству белорусский крестьянин получил заслуженную награду, как признание своих заслуг. Зато среди простого крестьянства инициатива губернатора встретила широкий отклик. Наиболее деятельные местные жители с энтузиазмом включились в соревнование за получение жалованных крестов. Зачастую сельчане выносили на суд самого генерал-губернатора вопрос о том, кто более достоин получить мельхиоровый или серебряный наперсный крестик. Михаил Николаевич всегда с вниманием относился к подобным обращениям и выносил справедливое решение. Недаром многие крестьяне ценили эту награду выше медалей и денежных премий.

Безусловно, это масштабное мероприятие ускорило процесс возрождения белорусского села, так как создавало дополнительный стимул для крестьян. Но был у него и иной, духовный, даже мистический смысл. Его выразил сам граф Муравьев: «Пусть эти сотни тысяч наперсных крестиков, переходя из рода в род православных белорусов, будут лучшим памятником великим защитникам православия и всего русского дела в Северо-Западном крае». То есть великорусский народ, пожертвовав кресты, стал крестным братом народа белорусского, подтвердив исконное этническое и духовное родство восточного славянства.

Успехи М.Н. Муравьева на своем благородном поприще возбудили зависть в некоторых петербургских салонах. Вновь полилась клевета и наветы. В сердцах генерал-губернатор даже подал царю прошение об отставке. Государь не только не принял ее, а сам лично в мае и июле 1864 года посетил Вильно и на смотре войск (неслыханное дело!) отдал честь Михаилу Николаевичу.

В начале марта 1865 года М.Н. Муравьев уехал в Петербург и лично просил государя об отставке. Он выполнил свой долг. За два года был не только подавлен польский мятеж, но в

белорусском обществе произошли такие перемены, которые оставили след на века. Александр II удовлетворил прошение генерал-губернатора, разрешив при этом Михаилу Николаевичу самому определить своего преемника. Им стал К.П. Кауфман, который и был 17 апреля назначен новым главным начальником Северо-Западного края. М.Н. Муравьева удостоили титула графа Виленского. Русское общество, в большинстве своем встретило его как героя. Поэт Николай Некрасов посвятил Муравьеву торжественную оду. Митрополит Московский Филарет прислал Михаилу Николаевичу благодарственный адрес с приложением иконы архистратига Михаила. К графу Виленскому шли целые депутации от дворянства, купечества, духовенства и крестьянства. В общественных местах его встречали криками «ура!», а офицеры не иначе, как в парадных мундирах.

Даже иностранцы, побывавшие в Северо-Западном крае при Муравьеве, не могли скрыть своего восхищения. Вот что писала немецкая газета «Национал Цайтунг» в августе 1863 года: «Русский герой [М.Н. Муравьев — В.Г.], чернимый поляками и их друзьями в Европе, вышел совершенно чистым. Корреспондент нашел город Вильну полным жизни и торгового движения. По улицам беспрерывно двигались экипажи и телеги; рынок запружен был поселянами, явившимися для продажи кур, яиц и огородных овощей; разносчики занимались обычным своим промыслом; жители казались спокойными и довольными. Только значительное число войск, изредка казнь наемных убийц давали знать, что обычное спокойствие было нарушено». Далее газета отмечала: «Строгость, какую обнаруживает генерал Муравьев, может быть вполне оправдана жестокостями, совершенными инсургентами. Как бы то ни было, масса народонаселения в Литве очень довольна образом действий генерала Муравьева». Практически все иностранцы, побывавшие в то время в Вильно, оставили восторженные отзывы о Муравьеве. Корреспондент английского журнала «Дэйли Ньюз» Дей представлял начальника края человеком великого ума, честным и справедливым, а все меры, принятые им, находил в высшей степени разумными. К такому же мнению пришел и член английского парламента О'Брейн, имевший официальное поручение своего правительства исследовать события в Литве и Беларуси и описавший увиденное в журнале «Ивнинг Стар». Все эти публикации опровергали западную пропаганду о «варварской жестокости» Муравьева.

Не пришлось Михаилу Николаевичу спокойно почивать на лаврах. Не такой он был человек. В апреле 1866 года террорист Каракозов стрелял в Александра II, и именно Муравьева призвали возглавить следственную комиссию по этому делу. Все столичные

либералы и революционеры затрепетали, зная железную хватку этого человека. Но годы подточили здоровье выдающегося патриота, видевшего в службе Отечеству смысл своей жизни. 29 августа того же года М.Н. Муравьев умер смертью праведника — во сне в своей деревне Сырец. Накануне он принял участие в освящении храма в память воинов, павших при усмирении польского мятежа, и посадил вокруг церкви несколько деревьев. Ему было полных 69 лет. Федор Тютчев, выражая чувства многих русских людей, посвятил памяти ушедшего героя такие строки:

На гробовой его покров
Мы, вместо всех венков, кладём слова простые:
Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия.

Завершая данный очерк, необходимо сказать, что автору менее всего хотелось бы рисовать лик идеального рыцаря без страха и упрека. Конечно, у М.Н. Муравьева, как у всякого человека, были свои недостатки. Но за минувшие полтораста лет на него было вылито столько грязи, что историческая справедливость вопиет и принуждает говорить о Михаиле Николаевиче в возвышенных тонах. Да и думающие люди всегда высоко ценили эту личность, вне зависимости от собственных политических взглядов. Вот какую характеристику Муравьеву дал видный белорусский историк М.В. Довнар-Запольский: «… Однако это был один из выдающихся деятелей эпохи. Он выгодно отличался от сановников и николаевской эпохи, и наследующей. Он обладал обширным образованием, определенным образом мыслей, знанием дела, выполнять которое он призывался». И, пожалуй, сейчас пора заявить со всей определенностью, что Михаил Николаевич Муравьев, граф Виленский, русский по происхождению, православный по вероисповеданию, консерватор по убеждению, выдающийся администратор-управленец, являлся крупнейшим государственным деятелем Беларуси XIX века и по праву должен занимать почетное место в пантеоне героев, сделавших немало доброго для нашей земли и нашего народа.

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..

Как извинить пред вами эту смелость?

Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе —
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?..

Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим —
Назло врагам — их лжи и озлобленью,
Назло — увы — и пошлостям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.